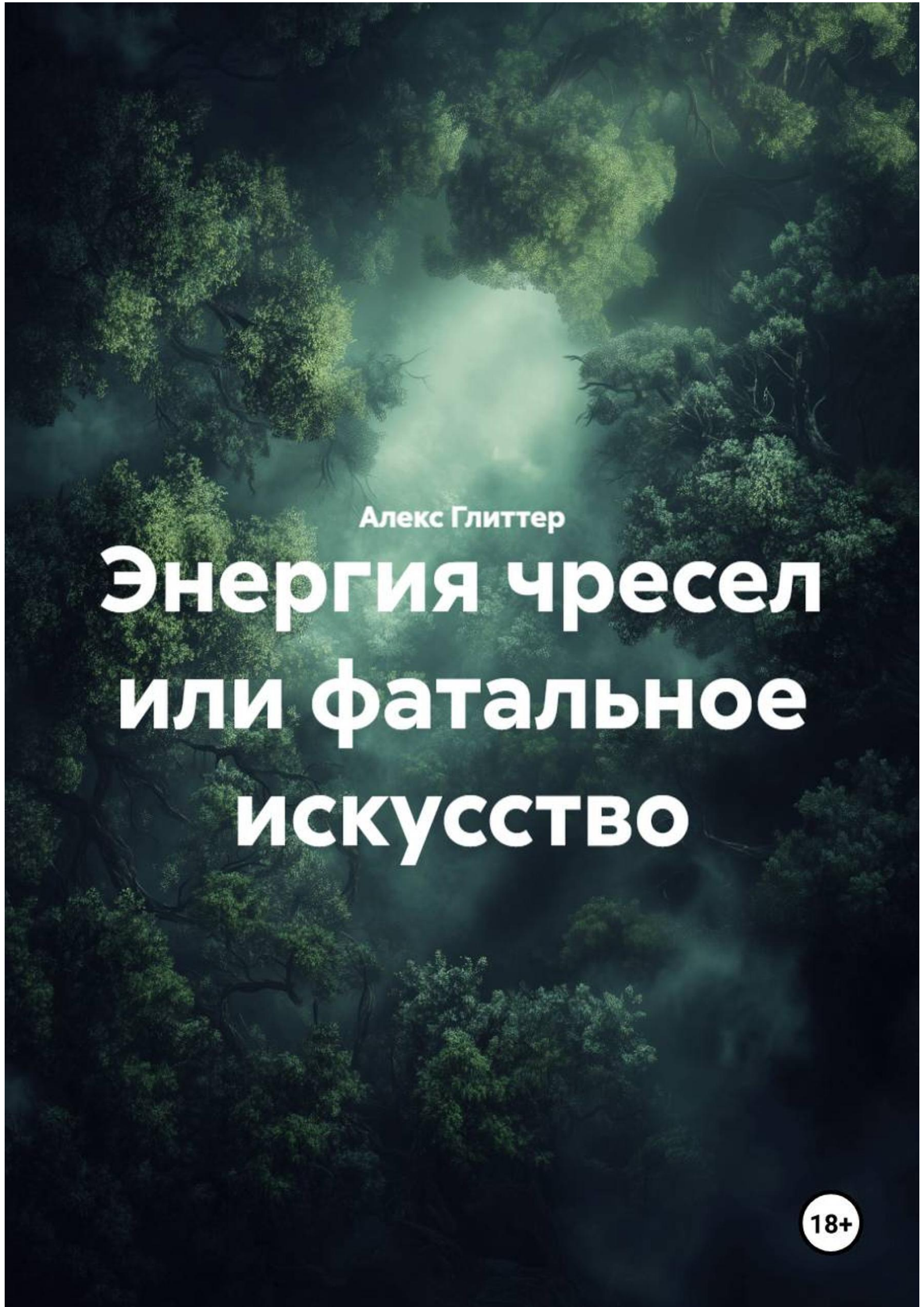

Алекс Глиттер

Энергия чресел или фатальное искусство

18+

Алекс Глиттер

**Энергия чресел или
фатальное искусство**

«Автор»

2026

Глиттер А.

Энергия чресел или фатальное искусство / А. Глиттер —
«Автор», 2026

Загадочная палитра света и тени, нечто романтическое и фантастическое
единовременно, тонкое переплетение страсти и мистики. Любовь,
растворенная на кончиках пальцев и запахе интима.

Алекс Глиттер

Энергия чресел или фатальное искусство

Мёртвый пахнет не смертью. Мёртвый пахнет скипидаром и остывшим чаем. Я узнала это, когда вошла в мастерскую Глеба Аркадьевича Сорокина на третий день после того, как его нашли на полу собственного кабинета с неестественно вывернутой шеей и полуулыбкой, будто он наконец прочёл ту шутку, над которой бился всю жизнь.

Полиция сказала: упал. Сердце, ступенька, неловкость. Сорокину было семьдесят три, и в семьдесят три люди падают. Они падают в ваннах, на лестницах, над недочитанными книгами. Они падают, и мир закрывает за ними страницу.

Но я знала Сорокина. Знала его руки — сухие, с проступающими жилами, как корни старого вяза. Знала, как он держал гравюру: не двумя пальцами за уголок, как учат в реставрационных школах, а всей ладонью, словно гладил по щеке спящего ребёнка. Человек, который так держит бумагу, не падает. Он кладёт. Его кладут.

Письмо пришло через неделю после похорон. Без обратного адреса. Плотный конверт цвета слоновой кости, внутри — чек на сумму, от которой у меня перехватило горло, и записка, написанная печатными буквами, чтобы скрыть почерк:

«Коллекция из семи гравюр. Шестнадцатый век. Аноним. Необходима полная реставрация: снятие позднего лака, укрепление основы. Срок — два месяца. Мастерская в вашем распоряжении. Ключ под третьим камнем слева от двери. Никому не сообщайте о заказе».

Я должна была отказаться. Любая разумная женщина отказалась бы. Но я прижала конверт к груди и почувствовала, как бумага слегка царапает кожу через тонкий лён блузки, и эта царапина была похожа на прикосновение чужого пальца — наглого, знающего, — и я не отказалась.

Меня зовут Вера. Мне тридцать четыре года, и я реставрирую чужие желания, нарисованные тушью на чужой коже-бумаге.

Мастерская Сорокина находилась в подвале старого дома на Солянке. Семь ступеней вниз, и ты оказываешься в мире, где время пахнет даммаровым лаком и пылью, осевшей на чужих секретах.

Гравюры лежали в плоском ящике из морёного дуба. Семь листов. Каждый — размером с ладонь, не больше. Бумага плотная, верже, с едва различимыми водяными знаками: буква «М» и переплетённые кольца. Шестнадцатый век. Северная Италия, если судить по манере штриха. Аноним.

Первая гравюра изображала женщину, стоящую по колени в воде. Её правая рука была опущена в реку, и пальцы касались поверхности так, что расходились круги — тончайшие, выгравированные с ювелирной точностью. Женщина была обнажена, но в этой наготы не было вызова. Скорее задумчивость. Она смотрела не на зрителя, а на свою руку в воде, словно удивлялась: неужели это я, неужели это моя кожа, неужели это мои пальцы способны на такое нежное вторжение в чужую стихию.

Я надела хлопковые перчатки. Потом сняла их.

Не спрашивайте почему. Просто в какой-то момент мне показалось, что между моей кожей и бумагой не должно быть ничего. Что перчатки — это ложь. Что Сорокин тоже снимал их, когда оставался один.

Я провела подушечкой указательного пальца по краю гравюры. Бумага была тёплой. Не от температуры в подвале — там было прохладно, пахло камнем и плесенью. Тёплой изнутри, будто кто-то дышал на неё совсем недавно.

Лак лежал толстым, мутноватым слоем. Поздний, девятнадцатого века, не раньше. Кто-то покрыл гравюру шеллаком, чтобы защитить от света и воздуха. Или чтобы спрятать.

Я приготовила раствор: спирт и скипидар, три к одному. Смочила тампон. Прижала к углу гравюры. Лак начал растворяться, и из-под его янтарной плёнки проступил штрих — резче, темнее, живее.

И тогда я увидела.

Под основным рисунком — под женщиной, под водой, под кругами — был другой рисунок. Едва различимый. Второй слой. Кто-то выгравировал его первым, а потом нанёс поверх основной сюжет. Но штихель резал глубоко, и нижние линии проступали сквозь верхние, как вены под кожей.

Я наклонилась ближе. Так близко, что кончик носа почти касался бумаги. И увидела: нижний рисунок изображал не женщину у воды. Он изображал лицо. Мужское лицо. С открытым ртом. И глаза — глаза были выколоты. Не стёрты, не повреждены временем. Выколоты намеренно, остриём штихеля, с такой яростью, что бумага в этих местах была истончена до прозрачности.

Я отшатнулась. Сердце билось в горле.

На обороте гравюры, в правом нижнем углу, едва различимая надпись. Не гравировка — написано пером, выцветшими чернилами:

«Он видел. Поэтому не увидит больше».

Я не ушла из мастерской в тот вечер. Не смогла.

Сидела на старом табурете Сорокина, пила остывший чай из его чашки — с ободком на краю, следом его губ, — и смотрела на семь гравюр, разложенных на столе, как карты в пасьянсе, который никто не сможет собрать.

В одиннадцать позвонил телефон. Неизвестный номер.

— Вы начали работу? — Голос мужской, низкий, с хрипотцой. Не старый. Сорок, может, сорок пять. Голос, в котором слышится улыбка, даже когда человек не улыбается.

— Кто вы?

— Заказчик. Вы получили письмо.

— Письмо было без подписи.

— Это не значит, что у меня нет имени. Просто имя вам пока не нужно. — Пауза. Я слышала его дыхание. Ровное, спокойное, чуть замедленное, как у человека, который лежит. — Как первая гравюра?

— Красивая.

— А под лаком?

Я молчала. Слишком долго молчала.

— Под лаком, — повторил он мягче, и в этой мягкости было что-то интимное, почти неприличное, словно он спрашивал не о гравюре, а о моей коже, о том, что под ней. — Что под лаком, Вера?

Он знал моё имя. В письме не было имени.

— Я перезвоню, — сказала я и положила трубку.

Но не перезвонила. Вместо этого разделась. Не спрашивайте зачем. В мастерской было холодно, и это не имело смысла. Но мне нужно было почувствовать воздух на коже. Нужно было снять все слои — блузку, бельё, всё, — и остаться только в собственной наготе перед семью чужими наготами, выгравированными триста лет назад.

Я подошла к гравюрам. Присела на корточки. Смотрела на них снизу вверх, как смотрят на алтарь. Женщина у воды. Её обнажённое тело. Круги на воде. И под всем этим — выколотые глаза.

Я провела ладонью по поверхности стола рядом с гравюрой. Не по бумаге — рядом. По дереву. По тёплому, отполированному тысячами прикосновений дереву. И представила руки Сорокина. Его ладони на этом столе. Его пальцы на этих гравюрах. Его дыхание на этой бумаге.

Мне стало жарко. Не от стыда. От узнавания. Словно я прикоснулась к чему-то, что не предназначалось мне. К чужому желанию, застывшему в дереве и туши.

Я оделась. Выключила свет. Легла на старый диван в углу мастерской, пахнувший пылью и чьим-то сном. И уснула, прижав к груди первую гравюру, завёрнутую в папиросную бумагу. Бумага шуршала у моего уха, как шёпот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.